

Говард Филлипс Лавкрафт

Очень старый народ

(The Very Old Folk)

Письмо Мэлмоту

Четверг

[Ноябрь 3, 1927]

Дорогой Мэлмот: -

...Так вы значит заняты углублением в тёмное прошлое этого несносного молодого Азиатского Вариуса Авитуса Бассиануса? Тьфу! Лишь нескольких персонажей я ненавижу больше, чем эту проклятую маленькую Сирийскую крысу! Сам я перенёсся к Римским временам после своего недавнего прочтения Энеиды Джеймса Роудса, перевода никогда раньше не читаемого мною, более преданным П.Маро, чем какой-нибудь другой стихотворной версии их тех, что я когда либо видел — включая ту что написал мой покойный дядя Др. Кларк, который не добился публикации. Это развлечение Вергилием, вместе с призрачными мыслями, связанными с Кануном Всех Святых и его Ведьминскими Шабашами на холмах, вызвало у меня ночью прошлого понедельника Римский сон такой божественной чистоты и яркости, и такого титанического предощущения скрытого кошмара, что я глубоко уверен - я когда-нибудь воплощу его в рассказе. Римские сны не были редкой чертой для моей юности — Я следовал за Божественным Юлием по всей Галлии как Трибун Милитум, по ночам — но я не испытывал их так давно, что этот впечатлил меня с невероятной силой.

Рассказ

Это был пылающий закат или поздний пост-полдень в маленьком провинциальном городе Помпело, у подножья Периней в Испанском Цитериоре. Это был, должно быть, год поздней республики, ведь провинция всё ещё управлялась сенаторским проконсулом вместо преторианского представителя Августа, и был первый день до Ноябрьских Календ. Холмы розовели аlostью и золотом к северу от маленького города. Закатное солнце румяно и таинственно сияло на грубом новом камне и штукатурке зданий пыльного форума, и деревянных стенах круглой площади на небольшом удалении к западу. Группы горожан - широко-бровые Римские колонисты и Романизированные местные с грубыми причёсками, вместе с явными гибридами двух типов, одинаково одетые в дешёвые шерстяные тоги, а также вкрапления одетых в шлемы легионеров, и укутанных в грубые плащи черно-бородых соплеменников окружных Васконцев - все вместе заполнили несколько мощёных улиц и форум, движимые какой-то смутной и неясной тревогой.

Я только что сошёл с носилок, которые Иллирийские носильщики, кажется, принесли в некой спешке из Калагурриса, что к югу через Иберус. Кажется, я был провинциальным квестором по

имени Л. Каэлиус Руфус, и я был призван проконсулом, П. Скрибониусом Либо, который прибыл из Таррако на несколько дней раньше. Солдаты были пятой когортой XII-того легиона, под военным командованием Секс. Азеллиуса; и легат всего региона, Цн. Бальбутиус, тоже прибыл из Калагурриса, где была его постоянная резиденция.

Причиной совещания был ужас, нависший над холмами. Все горожане были напуганы и молили богов о присутствии отряда из Калагурриса. Стоял Страшный Сезон осени, и дикие люди с холмов вели подготовку к отвратительной церемонии, о которой в городе бродили только смутные слухи. Они были старым народом, который обитал на высоких холмах и говорил на порывистом языке, которого Васконцы не могли понять. Их видели редко; но несколько раз в год они посылали вниз маленьких жёлтых косоглазых посыльных (похожих на Скифов), чтобы торговать с купцами на языке жестов, и каждой весной и осенью они проводили зловещие обряды на остроконечных вершинах, их завывания и огни алтарей вселяли ужас в жителей деревень. Всегда одинаково - в ночь перед Майскими Календами и в ночь перед Ноябрьскими Календами. Горожане исчезали накануне этих ночей, и никто о них больше не слышал. Ползли слухи, что местные пастухи не были дурно расположены к очень старому народу - будто-бы не одна соломенная хижина опустела перед полночью накануне двух отвратительных Шабашей.

В этом году страх был велик как никогда, ибо люди знали что гнев очень старого народа направлен на Помпело. За три месяца до этого пятеро маленьких узкоглазых торговцев сошли с гор, и трое из них были убиты в рыночной драке. Оставшиеся два безмолвно вернулись в свои холмы - и этой осенью бесследно пропал не один деревенский житель. Неприкосновенность была под угрозой. Не похоже, чтобы очень старый народ щадил свои жертвы на Шабаше. Это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой, и жители деревень были напуганы.

На протяжении долгих ночей с гор доносилась пустотная барабанная дробь, и наконец Тиб. Аннеус Стилпо (наполовину местный по крови) был оправлен к Бальбутиусу из Калагурриса чтобы запросить отряд, который мог бы прекратить Шабаш в ужасную ночь. Бальбутиус безответственно отказал, на основании того что страхи сельских жителей - пусты, и что отвратительные ритуалы людей с холмов не касаются Римского Народа, если не угрожают его собственным гражданам.

Однако я, который похоже был близким другом Бальбутиуса, не согласился с ним; я утверждал что глубоко изучил тёмное запретное искусство, и что верю в способность очень старого народа наслать почти любой невыразимо ужасный злой рок на город, который всё-таки был Римским поселением и содержал большое число наших граждан. Хельвия, мать просителя, была чистокровной Римлянинкой, дочерью М. Хельвиуса Цина, который некогда одержал верх над армией Сципиона. Так что я отправил невольника, проворного маленького Грека по имени Антипатер, с письмами к проконсулу, и Скрибониус внял моим мольбам и приказал Бальбутиусу отправить его пятую когорту, под командованием Азеллиуса, в Помпело; взойти на холмы в сумерках накануне Ноябрьских Календ и разогнать любую мерзкую оргию, какую только смогут найти - тех, кого смогут взять в плен, доставить в Таррако для последующего пропреторского суда. Бальбутиус, впрочем, протестовал, так что началась новая переписка. Я написал проконсулу так много, что он всерьёз заинтересовался и решил сделать собственное расследование этого ужаса.

И вот он добрался до Помпело со своими слугами и телохранителями; здесь он услышал достаточно сплетен чтобы получить сильное впечатление и тревогу, и твёрдо настаивал на своём приказе избавиться от Шабашей. Желая посоветоваться с кем-то, кто понимает в предмете, он призвал меня сопровождать отряд Азеллиуса - сюда же явился Бальбутиус, чтобы продвигать своё оппозиционное мнение, потому что он искренне верил, что радикальные военные действия раздуют опасное волнение среди Васконцев, как племенных так и оседлых.

Так что мы были там все вместе, под таинственным закатом у осенних холмов - старый Скрибониус Либо в своей окаймлённой пурпуром тоге, золотой свет сверкал на его блестящей лысой голове и морщинистом лице ястреба, Бальбутиус с его отражающим свет шлемом и нагрудником, поджавший выбритые до синевы губы в упёртом убеждённом несогласии, молодой Азеллиус со своими сверкающими наколенниками и высокомерной презрительной усмешкой, и любопытная толпа горожан, легионеров, соплеменников, крестьян, телохранителей, рабов, и слуг.

Похоже, сам я носил обычную тогу, и не имел каких-либо отличительных черт. И повсюду чувствовался нарастающий ужас. Городской и сельский народ едва смел говорить навслух, и человек из окружения Либо, который пробыл здесь где-то с неделю, кажется отчасти уловил этот безымянный страх. Старый Скрибониус выглядел очень мрачным, и резкие голоса наших поздних посетителей содержали, казалось, какую-то странную неуместность, словно они раздавались на месте смерти или в храме тайного Бога.

Мы вошли в преториум и держали серьёзный совет. Бальбутиус выразил свой протест, и был поддержан Азеллиусом, который, кажется, считал всех местных достойными крайнего презрения, и в то же время полагал что беспокоить их не стоит. Оба солдата утверждали, что нам лучше направить усилия на то, чтобы противостоять меньшинству поселенцев и цивилизованных местных путём бездействия, чем противостоять вероятному большинству племенного населения и крестьянам, уничтожая жуткие ритуалы.

Я, по другую сторону, вновь огласил свои требования к действию, и вызвался сопровождать отряд в любом походе, какой только может потребоваться. Я указал на то что варвары - Васконцы были, в лучшем случае, буйными и ненадёжными, так что столкновения с ними рано или поздно не избежать, какой бы курс мы ни приняли. Что они в прошлом не показали себя опасными противниками для наших легионов, и что для представителей Римского Народа плохо обернулось бы позволять варварам вмешиваться в курс, которого требует справедливость и престиж Республики. Что, помимо прочего, успешное управление провинцией зависит главным образом от безопасности и доброй воли цивилизованного элемента, в чьих руках покоится торговля и процветание местной структуры, и в чьих венах струится большая примесь нашей, Итальянской, крови. Как раз они - пусть по численности они быть может и меньшинство - являются стабильным элементом, на их верность можно положиться, их содействие должно как можно крепче связать провинцию с властью Сената и Римского Народа.

Было бы долгом и выгодой одновременно обеспечить должную защиту для Римских граждан; даже (и тут я бросил саркастический взгляд на Бальбутиуса и Азеллиуса) ценой небольших волнений и действий, и лёгкого перерыва в осадных играх и петушиных боях в лагере Калагурриса. Опасность для города и жителей Помпело совершенно реальна, я не могу сомневаться в своих знаниях. Я читал множество свитков из Сирии и Аегиптуса и загадочных городов Этурии, я наконец беседовал с кровожадным жрецом Дианы Арицийской в храме, в лесах что граничат с Лакус Неморензис.

Ни на что не похожие кошмары могут быть призваны с холмов во время Шабашей; кошмары, которым не место на землях Римского Народа; и допускать оргии того рода что господствуют на Шабашах, было бы мало в созвучии с обычаями тех, чьи предки, в бытность А. Постумиуса консулом, казнили так много Римских граждан за практику Вакханалий - факт навсегда сохранённый в памяти Декретом Сената о Вакханалиях, высеченном на бронзе и открытом взгляду каждого.

Если выйти вовремя - до того как ритуалы продвинутся достаточно далеко, чтобы разбудить нечто такое, с чем не совладать Римским копьям - Шабаш не станет серьёзным препятствием для

сил одного отряда. Арестовать надо только участников - если пощадить большее число простых зрителей, это значительно уменьшит обиду, которую может испытать народ какой-либо сочувствующей страны. Вкратце, и закон и политика требуют жёстких действий; и не сомневаюсь в том что Публий Скрибониус, держа в уме достоинство и обязанности Римского Народа, будет придерживаться плана отправления когорты, с моим сопровождением, вопреки всем протестам Бальбутиуса и Азеллиуса, которые говорят скорее как провинциалы, чем как Римляне.

Идущее под уклон солнце теперь стояло очень низко, и весь умолкший город был словно окутан нереальными и зловещими чарами. Затем проконсул П. Скрибониус выразил одобрение моим словам, и поместил меня в отряд во временной должности центуриона примипилов; Бальбутиус и Азеллиус согласились с этим, первый с большей любезностью чем последний. Как только сумерки пали на крутые осенние откосы, размеренный пугающий стук странных барабанов всплыл издалека в бешеном ритме. Кое-кто из легионеров выказывал робость, но чёткие команды собрали всех в линию, и вскоре когорта была выстроена на открытом пространстве в восточной части круглой площади. Сам Либо, как и Бальбутиус, настаивал на сопровождении отряда; но огромная сложность заключалась в том, чтобы заполучить местного проводника, который мог бы показать верные тропы на вершинах гор. Наконец молодой человек по имени Верцеллиус, сын чистокровных Римских родителей, согласился провести нас, как минимум, за пределы предгорья.

Мы начали поход в ранних сумерках, справа от нас дрожжал над лесом тонкий серебристый серп молодой луны. Больше всего нас беспокоил сам факт того что Шабаш всё равно должен был состояться. Вести о прибывающем отряде должны были достигнуть холмов, и даже отсутствие финального решения не смогло бы сделать слух об этом менее предупредительным - и всё же порочная барабанная дробь по прежнему звучала, как будто у жрецов была особая причина проявлять безразличие к тому, что против них выступили силы Римского Народа. Звук стал громче когда мы вошли в высокую горную расселину, где крутые лесистые насыпи тесно окружили нас по бокам, являя странные фантастические стволы деревьев в свете наших дрожащих факелов.

Все были пешком кроме Либо, Бальбутиуса, Азеллиуса, двух-трёх центурионов, и меня, и наконец путь стал настолько крутым и тесным, что те, у кого были лошади, вынуждены были их оставить; группа из десяти человек осталась их охранять, хотя вряд-ли разбойничьи банды бродили здесь в такую ночь ужаса. Кажется, время от времени мы как будто замечали крадущиеся тени в лесах поблизости, и после получасового подъёма крутизна и узость тропы сделали продвижение такого числа человеческих тел - свыше 300, в целом - крайне неудобным и тяжёлым. Затем с полной и шокирующей внезапностью мы услышали снизу странный звук. Он исходил от привязанных лошадей - они кричали, не ржали, а именно кричали ... и там внизу не было света, не было звука чего-либо человеческого, чтобы показать почему они так сделали. В тот же миг на всех остроконечных вершинах гор впереди ярко вспыхнуло пламя костров, так что этот ужас, кажется, одинаково успешно затаился впереди и позади нас.

Взглянув на молодого Верцеллиуса, нашего проводника, мы нашли только скорченную кучу, плавающую в луже крови. У него в руке был короткий меч, выхваченный из пояса Д. Вибулануса, субцентуриона, а на лице застыло выражение такого ужаса, что даже прожжённые ветераны побледнели от этого зрелища. Он покончил с собой когда закричали лошади... Он, рождённый в этом регионе, проживший здесь всю жизнь, и знавший что шепчут люди про эти холмы. Все факелы теперь стали гаснуть, и вопли испуганных легионеров смешались с бесконечными криками привязанных лошадей. Воздух стал заметно холоднее, гораздо более резко чем это обычно бывает на краю Ноября, и метался в ужасающей вибрации, которую я при всём желании не мог бы связать с хлопаньем огромных крыльев.

Вся когорта теперь оставалась в бездействии,и когда факелы погасли я увидел то,что сначала принял за причудливые тени,очерченные в небе призрачным сиянием Млечного Пути,когда оно струится сквозь Персей, Кассиопею,Кефей,и Лебедь.Затем с неба вдруг стёрлись все звёзды - даже яркие Денеб и Вега впереди нас,и одинокие Альтаир и Фомальгаут позади.И когда факелы вымерли совершенно,над сражённым и кричащим отрядом пребывало лишь нездоровое и кошмарное пламя жертвенных алтарей на вздымающихся пиках;злое и багряное,и тогда возникли безумные,скачущие,и колоссальные очертания таких мерзейших тварей,что ни Фригийский жрец,ни Кампанийская бабка никогда не шептали о них даже в самой необузданной из своих сокровенных сказок.

И над окутанными тьмой криками людей и лошадей эта демоническая барабанная дробь достигла невероятного напряжения,и в то же время холодный как лёд ветер с шокирующей чувствительностью и расчётливостью слетел с этих запретных вершин,и охватил каждого по отдельности,и вскоре вся когорта боролась и кричала во тьме,словно разыгрывая судьбу Лаокоона и его сыновей. Лишь старый Скрибониус Либо казался покорным. Он произносил слова среди всеобщего крика, и эхо его слов всё ещё звучит в моих ушах. "Древнее зло - древнее зло...пришло...пришло наконец..."

И затем я очнулся.Это был самый яркий сон в моей жизни,поднимающий из колодцев подсознания то,что долго оставалось нетронутым и забытым. Не существует сведений о судьбе этого отряда, но по крайней мере город был спасён - ведь энциклопедии до сих пор рассказывают о выживании Помпело,под современным Испанским именем Помпелона...

В годы Готского Владычества -

C . IVLIVS . VERVS . MAXIMINVS

Перевод: Призрачный Грызун
2010 год